

А. С. ХОМЯКОВ И Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ

Спецификой русского консерватизма, или, лучше сказать, традиционализма, является обстоятельство, что его наиболее значимая составляющая почти тождественна феномену славянского движения. Потому его наиболее оригинальная форма именуется не русофильством, а славянофильством.

Славянское движение не было чем-то однообразно-ограниченным, созданным раз и навсегда. Это было явление динамичное, сложное, часто противоречивое, охватывающее почти все сферы национального бытия России. Процесс развития этого движения, превращение его из маргинальной историософии небольшого кружка аристократов-интеллектуалов в важнейшую составляющую национального умственного развития — пожалуй, одна из интереснейших тем в истории русской общественной мысли. Славянофильство (в широком понимании этого термина) выдвинуло несколько мыслителей, чье значение вышло за рамки национального, став заметным фактором в развитии человеческой мысли. Прежде всего это относится к Алексею Степановичу Хомякову (1804—1860) и Николаю Яковлевичу Данилевскому (1822—1885). Лично Хомяков и Данилевский друг друга не знали, а первое и основное историософское сочинение Данилевского, по профессии биолога, «Россия и Европа», стало публиковаться в журнале «Заря» лишь в 1869 году, т. е. через девять лет после смерти Хомякова.

Поклонник и пропагандист идей Данилевского Н. Н. Страхов в очерке, посвященном своему другу, отметил: «Когда мы называем издание “России и Европы” славянофильством, то мы разумеем здесь славянофильство в отвлеченном, общем, идеальном смысле; собственно говоря, это вовсе не славянофильство, а особое учение Данилевского, так сказать, “данилевщина”, которая включает в себя славянофильство, но не наоборот»¹. Кроме того, по мнению Страхова, Данилевский — систематик этого «славянофильства в идеальном смысле», ибо «славянофильство теперь (после выхода “России и Европы”. — А. Е.) существует в форме строгой, ясной, определенной» и книгу Данилевского следует «назвать целым катехизисом или кодексом славянофильства»².

Нечто напоминающее страховскую концепцию соотношения идей хомяковского кружка и учения Данилевского, хотя с куда меньшим пиететом в отношении автора «России и Европы», высказал ученик Страхова В. В. Розанов. «Теория культурно-исторических типов, предложенная Н. Я. Данилевским, — писал он, — вовсе не есть завершение славянофильской теории, не есть ее высшая фаза, как это утверждают почти все ее критики и последователи. Гораздо правильнее ее можно определить как

¹ *Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. XXIX.*

² Там же. С. XXVIII.

скорлупу, которая замкнула в себе нежное и хрупкое содержание, выработанное первыми славянофилами и после никем не поправленное, никем не разрешенное»³.

Для историка К. Н. Бестужева-Рюмина Данилевский — также систематизатор и продолжатель дела старших славянофилов. По его мнению, автор «России и Европы» дал «систематизацию славянофильского воззрения, основанную на широком образовании и проведенную глубоким умом»⁴. Посвятивший теме соотношения взглядов А. С. Хомякова и Н. Я. Данилевского специальную статью, Н. М. Соколов, в очередной раз признавая за Данилевским значение систематики славянофильства, утверждал, что в «России и Европе» получили развитие и, если так можно выразиться, адаптацию к современному научному мировоззрению именно хомяковские идеи. «Хомяков не обосновал свое учение на строго научной почве, — писал Соколов, — но вылил его в те логические формы, в которых выводы могут получить широкое распространение и внешние признаки обязательности для каждого здравого мышления», но «среди последователей Хомякова нашелся человек исключительных теоретических дарований, с огромною, почти всеобъемлющею эрудициею, который значительную часть выводов Хомякова облек в строгие научные формы и обосновал их на научной почве»⁵.

Другой известный деятель славянского движения А. В. Васильев также утверждал, что «“Россия и Европа” благословенный труд достойного продолжателя их (старших славянофилов. — А. Е.) дела Н. Я. Данилевского»⁶.

Либеральные противники славянофильства в целом не оспаривали преемственности между идеями хомяковского кружка и учением Данилевского. Однако для них историософия «России и Европы» — плод «вырождения» (Вл. С. Соловьев) или «разложения» (П. Н. Милюков) славянофильства. Данилевского обвиняли в отказе от христианского универсализма в пользу национализма, политического макиавеллизма и обскурантистского отрицания западной культуры. «Изначальный эгоизм и исключительность — таков последний практический вывод из философии истории Данилевского»⁷, — утверждал Милюков. По его же мнению, учение Данилевского «одним концом соприкасается с метафизическим абсолютизмом старого славянофильства, а на другом — переходит в пессимистический фатализм Леонтьева»⁸.

Близкий к славянскому движению О. Ф. Миллер также утверждал, что отличие учения Данилевского от учения Хомякова и его друзей — не в целях, а в средствах их достижения. Непризнание автором «России и Европы» нравственной евангельской нормы в политике государства было, по мнению Миллера, ненужной поп-

³ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 246.

⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 434.

⁵ Соколов Н. М. А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский // Русский вестник. 1904. № 7.

⁶ Васильев А. В. Миру — народу. Пг., 1908. С. 133.

⁷ Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С. 274.

⁸ Там же. С. 288.

равкой к теории Хомякова, и «такая поправка в учении славянофилов является несомненным его коренным искажением»⁹. На Западе также доминировало мнение о Данилевском — продолжателе дела Хомякова. При этом наиболее авторитетный иностранный специалист по Данилевскому Р. Мак-Мастер утверждал, что в основе историософии «России и Европы» лежит философия Гегеля. Но и славянофилов считают учениками и последователями классиков германской философии. Так что «гегельянство» Данилевского могло быть заимствовано им опосредованно у своих русских предшественников (подробнее см.: *Пивоваров Ю. С. Н. Я. Данилевский. Проблемы целостности этико-политических воззрений // Русская политическая мысль второй половины XIX в. М., 1989*).

В некотором противоречии с указанными мнениями находится тот факт, что в своих историософских сочинениях Данилевский ссылается на Хомякова-мыслителя очень редко, а если и ссылается, то в основном на статьи по экклезиологии. Зато «Россия и Европа» полна стихотворных хомяковских цитат. Стихотворные строки Алексея Степановича Данилевский поставил эпиграфом к трем главам своей книги: гл. VII «Гниет ли Запад?», гл. VIII «Различия в психическом строе», гл. XI «Европейничанье — болезнь русской жизни». По названию этих глав видно, что они одни из самых «славянофильских» в «России и Европе». Заканчивается книга Данилевского также стихотворной хомяковской цитатой. В общем, у Данилевского Хомяков-поэт значимей Хомякова-мыслителя.

В то же время сходство раннего славянофильства и учения Данилевского совершенно очевидно. Это и демократизм, точнее эгалитаризм, утверждение самобытности славянской и русской культуры, соединенное с критикой «гниющего Запада», вера в великое будущее соединенного славянства. При этом, по точному определению В. А. Францева, это единение мыслилось Хомяковым «как начало, так сказать, хорошее, предполагающее свободное общение самостоятельных личностей, физических и собирательных, следовательно — живое разнообразие в идеальном единстве»¹⁰.

То же и Данилевский, по мнению которого политическое единство славянского мира должно реализоваться в виде федеративной империи, без жесткой обезличивающей централизации. Наконец, в последнем абзаце «России и Европы» Данилевский пишет о двух «потоках всемирной истории»: «один небесный божественный, через Иерусалим, Цареград достигает в незамутненной чистоте до Киева и Москвы, другой земной человеческий, в свою очередь дробящийся на два главные русла — культуры и политики, течет мимо Афин, Александрии, Рима — в страны Европы... На русской земле пробивается новый ключ; справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства. На равнинах славянства должны слиться оба эти потока в обширный водоем»¹¹. Прочитываю-

⁹ *Миллер О. Ф. Славянство и Европа. СПб., 1889. С. 273.*

¹⁰ *Францев В. А. А. С. Хомяков поэт-славянофил // Хомяков А. С. Стихотворения. Прага, 1934. С. 42.*

¹¹ *Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 430—431.*

ный отрывок из «России и Европы» по своему смыслу весьма близок к известной исторической идее Хомякова, согласно которой, древние иудеи, византийцы, славяне — представители так называемого иранства, т. е. духовного начала. Начало натурально-бытийное, юридическое, названное Хомяковым «кушитством», представлено Римом, а затем Европой. Миссия славян в соединении обоих начал через одухотворение кушитского Запада.

Очевидное сходство многих исторических и историософских положений у Хомякова и Данилевского, по всей видимости, объясняется не тем, что последний — «продолжатель и систематизатор» учения старших славянофилов, а общими истоками их мировоззрения. Конечно, это прежде всего духовно-интеллектуальная традиция восточного христианства. Кроме того, это достижения европейской, прежде всего немецкой мысли. Практически одновременно Данилевский (в 1848 году) и Хомяков (в 1849 году) публикуют статьи, посвященные Александру Гумбольдту. Историософская доктрина «России и Европы», и прежде всего теория культурно-исторических типов — следствие или, точнее сказать, составная часть натурфилософии Данилевского. Рассматривая историю как специфическую форму существования живой материи, Данилевский применил к ее изучению методологию естественных наук, что во многом определило основные выводы «России и Европы». В свою очередь натурфилософские взгляды Данилевского складывались под определяющим влиянием академика К. Бэра, телеолога, сторонника гетеанской интуитивной натурфилософии и противника учения Ч. Дарвина.

Хомяков и Данилевский принадлежали не только к разным поколениям, но и представляли два совершенно различных типа мыслителей. Хомяков — гениально одаренный интеллектуал-дилетант, философствующий помещик, почти лишенный обязательного для академической науки преклонения перед «фактом». Для него истина, в том числе и историческая, могла существовать вне и помимо «факта». Поэтому англичане у него — угличане, тюринги — тверичи, а славян в истории он находил за тысячелетия до Р. Х. Данилевский — прежде всего ученый в современном понимании этого слова. Поэтому его тексты из сферы позитивной науки, а не поэзии или журналистики.

Видимо, прав был И. С. Аксаков, писавший, что Данилевский «совершенно самобытным путем пришел к тождественному с Хомяковым, К. С. Аксаковым и вообще с так называемыми старшими славянофилами выводу»¹².

По всей видимости, следует признать, что члены хомяковского кружка и политические панслависты, Данилевский и его последователи, представляют различные фракции славянского движения в России, где у Хомякова и его друзей есть преимущество первенства. Именно их труды во многом определили вектор развития русского традиционализма. Недаром само имя их стало нарицательным, и почти всех деятелей право-консервативного направления в России оппоненты именовали славянофилами.

¹² Русь. 16 ноября 1885.

А. С. ХОМЯКОВ И ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Проблема культурно-исторического самосознания является одной из ключевых для понимания процессов формирования русской философской мысли. Она тесно связана с теми преобразованиями в области светского просвещения, начало которым было положено петровскими реформами, повлекшими за собой такие изменения в сфере сознания, которых сам Петр I предвидеть, безусловно, не мог. Великий российский реформатор смотрел на образование, науку, ремесла, литературу, искусство, на культуру в целом как на товар, который можно приобрести в Европе и заставить его прагматически служить России. Менее всего православного государя волновали европейская теология и отвлеченные философские идеи, практического применения которым в русских условиях он не видел. Традиционное господство православной идеологии и соответствующей учености не только не способствовало, но и прямо исключало сколь-либо серьезную полемику по богословским вопросам на основе хотя бы более или менее отработанной философской рефлексии. Таковая на Руси, довольствовавшейся преимущественно бытовым Православием, фактически не практиковалась.

Просвещение российского общества на основе западноевропейского мировоззрения, исторически выработанного для решения социально-политических и культурных проблем европейской культурно-исторической системы, не могло не повлечь за собой серьезных изменений в русском самосознании. Инициированное государством просвещение русского общества по западному образцу, имевшее целью решение насущных военно-политических и экономических проблем, неизбежно должно было вырваться из-под государственного контроля и стать не только государственным, но и общественным делом, приняв неожиданное для государства направление.

Немногим более ста лет понадобилось молодому русскому обществу, чтобы приобщиться к тому *Свету* европейской философско-научной и культурной мудрости, который формировался на Западе на протяжении тысячелетия, если брать за точку отсчета каролингский ренессанс, ставший важной точкой и вехой на пути деварваризации германизированной Европы. Именно о таком приобщении и его эффективности свидетельствует деятельность Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, русских любомудров, участников кружка Н. В. Станкевича, западников и славянофилов, зафиксировавших новую для России самостоятельность общественного сознания и его идеологии по отношению к государству.

То были в полном смысле образованные люди, активно овладевавшие навыками европейского философско-научного мышления и гражданского поведения, неизбежно утверждавшегося вместо традиционного для российского государства поведения подданного. Последнее особенно делало их всех подозрительными, незави-

симо от конкретной идейно-мировоззренческой ориентации, для государственной власти. Это касалось не только масона-филантропа Н. И. Новикова и «радикала» А. Н. Радищева, но даже таких поборников русских традиций и самодержавия, как И. В. Киреевский и А. С. Хомяков. Однако они были не только традиционалистами, поборниками самобытности славянско-русской жизни, но и серьезными исследователями и авторами, попытавшимися, руководствуясь принципами европейской науки и философии, определить место славян и России в общемировом историческом процессе, основное видение которого до этого принадлежало европейским ученым и было по сути своей европоцентристским.

В XVIII—XIX веках под влиянием западной науки на Руси начинает формироваться интерес к своим собственным культурно-историческим корням, что было связано с пробуждением научно-философского самосознания.

XIX век — это время, когда русский человек, овладев принципами западноевропейской науки и философии, пытается применить их к осознанию своей собственной истории и культуры. Именно с этого начинается наше теоретическое самосознание — историческое, культурное, философское, литературное, эстетическое. У истоков этого процесса стоят славянофилы и западники, но его перспективы виделись по-разному. Исторически у нас возобладал именно западнический тип самосознания. Марксизм XIX—XX веков был естественным продолжением западничества в России. А то, что было способно осуществить синтез традиционного мировоззрения, основанного на христианском просвещении, с философско-научным мировоззрением, характерным для Западной Европы и также получившим у нас распространение, не успело в полную силу сложиться и развернуться. Люди, стремившиеся к такому синтезу, смогли вплотную к нему подойти и приступить к реализации, но революция и последующая моноидеология убили все эти попытки.

А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев отчетливо поставили эту проблему. Но дело в том, что России надо было выбирать: или учитывать базовые особенности формирования и существования русской культуры и, естественно, пытаться соотносить их с особенностями западной культуры, или их похоронить прочно и окончательно.

Кризис советского мировоззрения, пытавшегося в условиях России реализовать идеи марксизма, возникшего на европейской почве и в условиях европоцентризма как средство решения именно европейских социально-политических и культурно-исторических проблем, свидетельствует о том, что данная проблема по-прежнему остается актуальной. Для ее успешного решения приходится возвращаться к истокам ее формирования, где неизбежно возникает яркая и неординарная фигура А. С. Хомякова.